

Александр Хельверт

Антиутопический роман *День опричника* Владимира Сорокина и «Новая опричнина» Александра Дугина*

Владимир Сорокин, родившийся в 1955 году, является известным представителем московского концептуализма. Для этого вида повествования характерны интертекстуальная игра и установка на дискурс¹. Этот поставленный литературоведением диагноз не обязательно является отрицанием действительности в смысле западного постмодернизма. Сам Сорокин яростно выступает против такого анализа своих произведений. Его произведения опираются на социокультурную и политическую действительность: «Голова филологов заполнена книгами до предела. Они видят жизнь только сквозь текст. И гордятся этим. Навсегда обжеванные и отравленные литературой, они воспринимают живую жизнь как продолжение текста, как приложение к нему. "Все в мире есть текст!" – сказал философ Витгенштейн, и эту сомнительную максиму подхватили в конце шестидесятых французские философы. Хочется спросить: а чувство страха – тоже текст? Любовь – текст? Покалывание в пояснице – тоже текст? Для большинства филологов – да»².

Московский концептуализм отражает травматический опыт действительности – крах идеократии марксистско-ленинского толка. Исходя из этого, можно понять формулировку литературного теоретика Михаила Эпштейна: «Концептуализм – это новая форма условности, открытая по ту сторону мифа, разлагающая всякую целостность как ложную и неорганическую. Концепт – это идея, присоединенная к такой реальности, которой она не может соответствовать, и вызывающая этой несообразностью отчуждающий, иронический или гротескный эффект. Концептуализм играет на извращенных идеях, утративших свое реальное наполнение или на пошлых реалиях, утративших или исказивших свою идею»³.

Московский концептуализм демонстрирует разрыв между великой идеей безклассового общества и действительностью советского государства рабочих и крестьян, восхваляемой искусством соцреализма. Более того, он показывает не-

---

* Немецкая версия статьи ранее вышла в журнале *Anzeiger für Slavische Philologie* (2010, Vol. 37, P. 55-97). Актуальная версия была сокращена.

¹ См. Deutschmann P. Der Begriff der Norm bei Sorokin // *Poetik der Metadiskursivität. Zum postmodernen Prosa-, Film- und Dramenwerke von Vladimir Sorokin (=Die Welt der Slaven. Vol. 6)* / Ed. D. Burkhardt. München, 1999. P. 37-52.

² Сорокин В. Mea Culpa? 2005. <http://www.srkn.ru/criticism/sorokin1.shtml>. Последнее посещение 5 октября 2013.

³ Эпштейн М. Постмодерн в России. Литература и теория. М., 2000. С. 114.

удовлетворение действительностью, которая никогда не соответствует утопическим идеям. Это подтверждает и Виктор Ерофеев в предисловии к изданной им антологии современной российской литературы *Русские цветы зла* (1998). Так он пишет о текстах Сорокина: «Тексты Сорокина похожи на мясо, из которого вытекла кровь и которое кишит червями. Это блюдо, приготовленное разочарованным романтиком, мстящим миру за его онтологическое неблагодение, вызывает у читателя рвотный рефлекс, эстетический шок»⁴.

Похожую точку зрения имеет литературовед Александр Эткинд. Он считает, что меланхолия Сорокина и некоторых других современных писателей коренится «в возвращающейся жути непохороненного, неоплаканного советского опыта»⁵.

Крах идеократии марксизма-ленинизма и коллапс советской империи повлекли за собой идейный вакуум. В этой ситуации интеллектуалы и писатели должны были вновь определить свое отношение к действительности. В то время как литературные произведения Сорокина сосредотачиваются на деконструкции тоталитарных мысли и действия, другие авторы выбирают путь реконструкции. Реконструкция в смысле обратного движения в прошлое и его историко- и культурософский идейный резервуар, охватывающий знаменитую теорию псковского монаха Филофея «Москва – третий Рим», славянофильство XIX века и религиозно-философские спекуляции на рубеже XX века и даже воспевание Сталина, Отечественной войны, достижений СССР и т. д. Одним из представителей такой реконструкции является журналист и писатель Александр Проханов (1938 г. р.). Он объединяет в характеризуемом как магический соцреализм стиле эзотерику, философию общего дела Федорова, футуристическое поклонение машинам и технике, восхваление советского прошлого, евразийство, антисемитизм и теорию заговора. Главный герой его романа *Пятая империя*, опубликованного в 2007 году в петербургском издательстве *Амфора* – мистик, экономотолог и конспиролог Сарафанов выращивает при помощи алхимии «кристалл новой русской государственности», «волшебный бриллиант»⁶. Выращиванию этого кристалла угрожают злые силы, которые объединяются для осуществления международного проекта «Канаан-2». В этом проекте речь идет о захвате бесценных российских ресурсов, громадного пространства и бесчисленных богатств российской культуры.

Скандалный автор Эдуард Лимонов (1944 г. р.) пытается восстановить разрушенное единство иначе. Оторванный от своей родины – Советского Союза – из-за эмиграции в 1974 г., он возвратился в начале 90-х гг. в Россию. Там он примк-

---

⁴ Ерофеев В. Русские цветы зла // Русские цветы зла. Антология Родная проза конца XX. века. Лучшие писатели / Под ред. В. Ерофеева. М., 1998. С. 28.

⁵ Липовецкий М., Эткинд М. Возвращение тритона. Советская катастрофа и постсоветский роман. 2008. <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/94/li17-pr.html>. Последнее посещение 5 октября 2013.

⁶ Проханов А. Пятая империя. СПб., 2007. С. 120.

нул к националистическому правому лагерю, приближенному к Жириновскому и вскоре в 1993 г. основал вместе с идеологом Александром Дугиным «Национал-большевистскую партию»⁷. Его способ прийти от разрушения к единству не такой как у Дугина – теоритический синтез, а попытка размыть границу между искусством и жизнью посредством политического акционизма. Политика становится при этом эстетической инсценировкой, эстетика доминирует над этикой. Биологическое восхищение прекрасным, сильным и здоровым соединяется с эротической привлекательностью криминального. Это соединение выливается в восхищение политической нелегальностью, анархизмом и терроризмом. Пропагандируемый Лимоновым «национал-большевистский тип» – он говорит также о «национал-большевистском стиле» – пытается синтезировать героизм, футуризм и эстетичность в акциях нацболов. «Национал-большевистский тип» нуждается в акционизме и конфликтах с законом, чтобы чувствовать себя полноценно⁸. Между прочим, лимоновский «национал-большевистский тип» является реконструкцией эстетики европейского фашизма и российского авангарда 1920-30-х гг.

Писатель Юрий Мамлеев (1931 г. р.) в свою очередь по-другому занимается реконструкцией потерянного рая. Он пытается на основе своей концепции «метафизического реализма»⁹, литературном изложении, зиждящемся на досовременной (преимущественно индийской) метафизике, восстановить разрушенное единство посредством позитивного привлечения метафизической мифологемы «вечная Россия». По мнению Ерофеева, Мамлеев может считаться учителем Сорокина¹⁰ – особенно в отношении литературного изображения сцен насилия и сексуальных извращений, таких как каннибализм и некрофилия, характерных как для Мамлеева, так и для сорокинской «эстетики отвратительного». С точки зрения Мамлеева, насилие против людей в отличие от Сорокина может быть оправдано метафизически – например, главный герой Федор Соннов в *Шатунах* (1987/1988) убивает по метафизическим причинам.

В этом отношении Александр Дугин (1962 г. р.) – примерный ученик Мамлеева. В конце 1970-х гг. молодой Дугин примыкает к эзотерическо-фашистскому кругу Мамлеева и получает там признание, переведя с итальянского произведения Эволя *Imperialismo Pagano* (1928). В 1990-е гг., в особенности в эпоху Владимира Путина, он раскрывает во множестве книг и статей представление о сакральной российско-евразийской империи и развивает значительную деятель-

⁷ Mey A. Russische Schriftsteller und Nationalismus 1986–1995. Vladimir Solouchin, Vladimir Rasputin, Aleksandr Prochanov, Édouard Limonov. (=Dokumente und Analysen zur russischen und sowjetischen Kultur. Vol. 12/II) / Ed. K. Eimermacher, K. Waschik. Bochum, Freiburg, 2004. P. 306-307.

⁸ Лимонов Э. Моя политическая биография. Документальный роман. СПб., 2002. С. 238-246.

⁹ Мамлеев Ю. Юрий Мамлеев о литературе и метафизическом реализме. 2009. <http://mamleev.ru/stati/uriy-mamleev-o-literature-i-metafizicheskom-realizme>. Последнее посещение 5 октября 2013.

¹⁰ Ерофеев. Русские цветы зла. С. 28-29.

ность как основатель политического идеологического движения¹¹. В дугинской империи все положительные ценности современности, такие как демократия и права человека, отвергаются как вражеские западные ценности, ссылаясь на метафизическую традицию Мамлеева и его круга. При этом он ни в коем случае не отказывается от технологических достижений современности в форме военного снаряжения, интернета и т. п. Геополитического противника и внутреннего врага не победить только метафизикой. Александру Дугину нужны и насилие, и террор, чтобы в сакральной империи была стабильность. В связи с этим Дугин опирается на метафизику ужаса Мамлеева: В Ужасе происходит brutальное столкновение части с Целым, с тем, что качественно, радикально, онтологически превосходит данное существо¹².

Для Дугина метафизика ужаса Мамлеева – это с одной стороны апология террора Ивана Грозного и его опричнины¹³, с другой стороны – сталинские чистки, которые он приводит в качестве педагогических примеров, показывая преимущество целого перед единицей¹⁴. Идеология Дугина не уделяет столь много внимания исторической эпохе Ивана Грозного и опричнине. Для него Иван Грозный и его опричнина – это мифологемы, кирпичики для реконструкции имперской общности и единства, в которых объединяются метафизическая тотальность и государственная тоталитарность.

На этом основании Дугин организует «Евразийский Союз Молодежи» в феврале 2005 г. Там должна возвращаться новая опричнина. Она должна провести великую чистку России от волков и лис, нападающих на «Святую Русь». Он ведет речь о «грозной сакральности». Опричнина – исторический временно проходящий феномен, но как архетип он вечен. Особенно символика собачьей головы привлекает отдельное внимание Дугина. Собака символизирует «принцип служения». Также как доминиканцы характеризуют себя как *Domini canes* (собаки Господа), и как пастухи Христа помогали и охраняли овец (правоверных) от волков и лис (еретиков и демонов), так и опричники являются собаками православного царя. Стадо заменяется царством. Волки – враги государства, предательская коррумпированная аристократия, те силы, которые активно или пассивно противостоят царю. Опричники служат имперской сакральности¹⁵.

---

¹¹ См., напр., Umland A. Kulturhegemoniale Strategien der russischen extremen Rechten: Die Verbindung von faschistischer Ideologie und metapolitischer Taktik im «Neoeurasismus» des Aleksandr Dugin // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2004. Vol. 33. No. 4. P. 437-454; Höllwerth A. Das sakrale eurasische Imperium des Aleksandr Dugin: Eine Diskursanalyse zum postsowjetischen russischen Rechtsextremismus (=Soviet and Post-Soviet Politics and Society. Vol. 59). Stuttgart, Hannover, 2007.

¹² Дугин А., Мамлеев Ю. Метафизика ужаса. Тезисы. 1999. <http://nu.evrazia.org/archives/mamleev/1/theses/>. Последнее посещение 5 октября 2013.

¹³ Дугин А. Метафизика Опричнины. Тезисы выступления Александра Дугина в рамках «Нового Университета». 2005. <http://arcto.ru/article/1252>. Последнее посещение 5 октября 2013

¹⁴ Он же. Русская вещь. Очерки национальной философии. М., 2001. Т. 1. С. 468-477.

¹⁵ Дугин. Метафизика Опричнины ...

Литературный критик и писатель Лев Данилкин пишет в рецензии на *День опричника* Сорокина: «Сорокинская Россия конца 20-х годов XXI века выглядит как осуществившаяся фантазия Дугина с его "новой опричниной" и авторов проекта "крепость Россия"»¹⁶. Сорокинская антиутопия реагирует на политическое и идеологическое развитие в путинской России, в которой демократия и государственное право все более и более нестабильны. Это наполненный действительностью текст, реагирующий на эту же действительность. Название сорокинское *Дня опричника* отсылает нас к *Одному дню Ивана Денисовича* (1962) Солженицына. Как Сорокин, так и Солженицын анализируют последствия тоталитарных мысли и действия современной действительности. Солженицын занимается этим в реалистической манере, Сорокин – в концептуалистической. Здесь можно процитировать немецкого слависта Дирка Уффельманна: «In *Den' oprichnika* he continues with a conceptualization of neo-authoritarian tendencies in the Putin Era in combination with an imitation of the post-Soviet boom of historical novels of dystopian character»¹⁷. Однако тот, кто отделяет литературное произведение подобное сорокинскому от политической и социокультурной действительности России и рассматривает его только как интертекстуальную языковую игру, выражаясь метафорически, кастрирует его, а это было бы вовсе не в интересе автора...

День опричника Сорокина. Деконструкция реконструкции.

Главным героем сорокинской антиутопии является опричник Андрей Данилович Комяга. Читатель следит целые сутки как Комяга прислуживает государю – с утра и до позднего вечера. Уже прослушивая утренние новости, читателю становится ясно, в каком мире и в каком хронолите вращается герой: на стене вспыхивает пузырь, переливается «голубо-бело-красным флагом Родины с золотым орлом двуглавым»¹⁸. Слышен звон колоколов Ивана Великого. Рассказывается о том, как на северокавказском участке Южной Стены опять произошло воровство приказных и земских, о том, что «Труба» так и не будет перекрыта до челобитной японцев, о судебном процессе над менялами в Уральском казначействе, об исследованиях Лекарской академии, о гене старения, о том, что в январе на Сенном рынке в Свято-Петрограде не предусматривается никаких принародных избиений плеткой, о повышении курса рубля по отношению к юаню¹⁹. Мир, в ко-

¹⁶ Данилкин Л. Владимир Сорокин: «День Опричника». 2006. <http://www.srkn.ru/criticism/ldanilkin.shtml>. Последнее посещение 5 октября 2013.

¹⁷ Uffelmann D. The Compliance with and Imposition of Social and Linguistic Norms in Sorokin's *Norma* and *Den' oprichnika* // *From Poets to Padonki. Linguistic Authority and Norm Negotiation in Modern Russian Culture* (=Slavica Bergensia. Vol. 9) / Ed. I. Lunde. Bergen, 2009. P. 167.

¹⁸ Сорокин В. *День опричника*. М., 2006. С. 8.

¹⁹ Там же. С. 8-9.

тором действует опричник Комяга, неотделим от современных технологий, генетических исследований и нефтепроводов. В этом мире есть биржевые курсы, свидетельствующие о том, что экономический порядок связан с современным капиталом. Однако наряду с этим в мире Комяги наличествуют досовременные черты. Санкт-Петербург (в советское время Ленинград) превращен в Свято-Петроград. Разве не противоречиво такое название города в сакральной евразийской империи, управляемой опричниной, потому как именно Санкт-Петербург считается в неоевразийском дискурсе символом западничества, модернизации и, наконец, десакрализации России²⁰? Или же это название города подчеркивает ресакрализацию, возвращение и освобождение России от оккупации Западом? В любом случае ясно, что центром «Святой Руси» является Москва, где и находится Комяга. Зная российскую историю даже поверхностно, также понятно, что Петр I. ненамного отличался жестокостью от Ивана Грозного – достаточно вспомнить хотя бы повешение стрельцов в 1698 году. Порка также была возможна в России Петра I.

Чрезвычайная разница между «Святой Русью» Ивана Грозного и Россией Петра I. не столь значительна в отношении этики, сколь в гораздо большей степени в отношении эстетики, так, например, одежда Комяги помпезна. Под кафтаном из грубого черного сукна он носит несколько слоев пошитых из дорогих материалов одежд²¹. Комяга крестится и целует икону Святого Георгия Победоносца, которую держит в руках его старая нянька. Завтрак Комяги подчеркнута народный русский – сырники, пареная репа в меду, кисель²². Именно с этим выше описанным стилем боролся Петр – так он повелел брить бороды боярам, в чем был увиден акт десакрализации, потому что борода, по мнению православной церкви, отличала мужа от зверя и приближала его к подобию божьему. Мир, в котором вращается Комяга, пронизан до мельчайших деталей старорусским допетровским неославянско-неоевразийским псевдосакральным стилем с ярко выраженными фольклорными элементами. Описываемый с мужской перспективы Комяги мир обладает достаточно вульгарным оттенком; при этом внешняя сакральность, одухотворенность представляется пустой формой, наполненной примитивностью и брутальностью. Метод, которым пользуется Сорокин в *Дне опричника*, является концептуалистским. Так, на Руси Ивана Грозного «семиотика святости»²³ находится в противоречивом напряжении по отношению к брутальности проводимых чисток; на символическом уровне брутальность – это голова

---

²⁰ В этом контексте Александр Дугин пишет следующее: «Санкт-Петербург выстраивается как наглядная *антитеза* Москвы, вместо естественной долго и трудно вызревавшей евразийской столицы – стремительная новостройка по амстердамским и венецианским лекалам». Дугин А. Эволюция Национальной Идеи Руси (России) на разных исторических этапах // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. Материалы конференции / Под ред. Н. Павлинской. СПб., 2002. Т. 2. С. 28.

²¹ Там же. С. 11.

²² Там же. С. 9.

²³ См. Успенский Б. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996.

волкодава с вытаращенными глазами, пристегнутая утром к бамперу красного «мерина» Комяги. Каждый день собака приносится в жертву. Метла привязывается к багажнику²⁴. В исторической опричнине эти два символа означают, что опричники разрывают врагов царя, и предатели должны быть изгнаны из России.

Ничего не прикрашивая и прямо Комяга, гротескно причисляемый к интеллектуалам опричнины по причине зачисления на истфак Ломоносовского университета, повествует о своем распорядке дня на службе государя и отечества и повествует о своем мире слов и поступков. Комяга рассказывает кажущимся невинным тоном о головах, прокатываемых по кремлевскому плацу, о поездах врагов государства и их семьях, транспортируемых за Урал, о воеводах, выпускающих дух на дыбах в тайной канцелярии, об анонимных письмах, опускаемых в ящик «Слова и Дела» на Лубянке²⁵, о мздоимцах, у которых банкноты из ушей лезут, о разгоряченных секретарях, об иностранных посланцах, высылаемых из города на трех желтых «меринах». На журналистов также оказывается нажим: «[...] не одного вестника спустили с башни Останкинской с крыльями утиными в жопе, не одного смутьяна-борзописца утопили в Москва-реке [...]». Комяга описывает чистки в стиле Иосифа Сталина, направленные против политической и экономической элиты, против интеллектуалов и журналистов. Интересен грубый народный, наполненный вульгаризмами стиль. Сорокин упоминает, что при написании *Дня опричника* он использовал описываемый в русской филологии метод сказа²⁶. Это означает, что конструируемый из внутренней перспективы Комяги мир также является словесно и его миром. Посредством грубых выражений Комяга вступает в противоречие с прокламируемой в «Святой Руси» и предписываемой законом чистотой слова, за которую он же постоянно и ратует. Далее я еще упомяну это противоречие.

При упоминании отдела на Лубянке «Слово и дело» подразумевается единство слова и дела в «Святой Руси» Комяги. Фаустовская дилемма (что в начале – слово или же дело) кажется разрешенной в мире слова и дела Комяги. Так была бы отделена проблема главного героя Романа в сорокинском произведении *Роман*, который старается «[...]заполнить эту брешь, эту полосу отчуждения, пролегшую между Миром [т. е. делом, действительностью, А. Х.] и Человеком [т. е. словом, духом, А. Х.]»²⁷. В мире слова и дела Комяги Роман мог бы прийти к единству от интеллектуальной разорванности. Однако повествовательная идентичность Комяги только кажется слитой из одного слитка. На первый взгляд можно подумать, что невинный тон, которым повествует Комяга, берет начало в его непоколебимой вере в правду и справедливость его поступков на службе «Святой Руси», вере, остающейся непоколебимой даже при описании самых жестоких поступков. Однако в дальнейшем эта вера оказывается ложной и ци-

²⁴ Сорокин. День опричника. С. 13-14.

²⁵ Там же. С. 39.

²⁶ См. Эйхенбаум Б. О прозе. Сборник статей. Ленинград, 1969.

²⁷ Сорокин В. Роман. М., 2004. С. 220.

ничной. Так, например, жена попавшего в немилость боярина Ивана Ивановича Куницына подвергается изнасилованию всеми поочередно опричниками, участвовавшими в уничтожении Куницына и его приближенных. На призыв старшего из опричников оставить женщину в живых насильники отвечают «Ясное дело. Батя!»²⁸. А само изнасилование комментируется так: «И дело это – страстное, нам очень нужное»²⁹. И, в конце концов, завершается следующим подтверждением поступка:

«Важное дело.

Нужное дело.

Хорошее дело»³⁰.

Самоудовлетворяющее самоутверждение в акте изнасилования, сладость какового увеличивается в оргазме как вершине самоподтверждения, подчеркивается трижды как «важное», «нужное» и «хорошее». В акте объединяются гедонистическая сладость и государственное дело: «Сладко оставлять семя свое в лоне жены врага государства. Слаще, чем рубить головы самим врагам»³¹.

Именно в этих пассажах становится ясной ложность невинного тона Комяги. Почему поступок, «важность», «нужность» и «благопристойность» которого не вызывают сомнений, нуждаются в столь повторяемом вербальном самоподтверждении? Вербальное самоподтверждение переходит в самовнушение, оправдывающее насилие.

За невинным тоном Комяги ложь и презрительный по отношению к людям цинизм. В акте насилия провозглашается витальность и биологичность, процветающие во имя борьбы против врагов «Святой Руси». Чем деструктивнее, аморальнее, грязнее и несакральнее являются поступки опричников, тем большее значение придается чистоте и святости языка. Непосредственно после изнасилования супруги врага государства у опричника Посохи, как раз засовывающего свой разгоряченный член в штаны, выпадает из кармана книга *Заветные сказки*. Комяга читает начало: «В те стародавние времена на Руси Святой ножей не было, посему мужики говядину хуями разрубали»³². Это предложение прочитывается как подходящий комментарий к только что свершившемуся изнасилованию. С женой боярина опричники обращаются не как иначе как с куском мяса. Комяга, однако, резко отчитывает Посоху за эту книгу: «По ножу ходишь, дура! Это ж похабень крамольная. За такие книжки Печатный Приказ чистили. Ты там ее подцепил?»³³. Он указывает Посохе на то, что государь не терпит никаких

²⁸ Сорокин. День опричника, С. 30.

²⁹ Там же. С. 30.

³⁰ Там же. С. 31.

³¹ Там же. С. 31.

³² Там же. С. 32.

³³ Там же. С. 32.

грязных словечек. Опричники «[...] должны ум держать в холоде, а сердце в чистоте»³⁴.

Слово имеет важное значение в мире Комяги – это второй компонент наряду с поступком. Поэтому слово строго контролируется и цензурируется. Комяга с чиновниками «Тайного Приказа» проверяет мероприятие в концертном зале Кремля. Там проходит концерт – литературный вечер – и готовится пьеса к предстоящему празднику. Актеры со смирением принимают замечания инспектора³⁵. Интеллектуал Комяга постоянно орудует словесными оборотами, очень напоминающими панигирик Сталину и имеющими резко выраженный народный характер. Язык, к которому Комяга положительно относится, очищен от русского мата. Его Комяга слышит, к примеру, в постановке Достоевского *Преступление и наказание* на радиостанции «Голос Америки». Она, конечно, запрещена для обыкновенного народа³⁶. Подобные словесные выкрутасы запрещены указом номер 37 в «Святой Руси» под угрозой телесного наказания как в общественных, так и в частных местах³⁷. Порка интеллектуалов и лиц свободных профессий нередка в государстве Комяги. Однако за кажущимся вниманием к слову в смысле чистоты скрывается глубокое презрение к таковому. Оно проявляется в лице ясновидящей Прасковье Мамантовне, которую Комяга посещает из-за любовного дела государыни. Прасковья Мамантовна предпочитает топить камин книгами русской классики (Достоевским, Чеховым, Толстым и др.). Когда Комяга говорит ей, что в России нужно жечь только неугодные государству и бесстыжие книги, а русская классика нужна государству, Прасковья Мамантовна отвечает, что нужны только справочники. В Прасковье Мамантовне воплощаются народная антиинтеллектуальность и иррациональность, а также утилитарное презрение к излишнему художественному интеллектуальному слову. Опричник Комяга не может противостоять пироманскому презрению Прасковьи Мамантовны к книгам: «В огонь гляжу. А там горят "Идиот" и "Анна Каренина". И сказать надобно – хорошо горят. Вообще, книги хорошо горят. А уж рукописи – как порох. Видал я много костров из книг-рукописей – и у нас на *дворе*, и в Тайном Приказе»³⁸. Горящие рукописи Прасковьи Мамантовны являются антитезой по отношению к тезису Воланда из романа Булгакова *Мастер и Маргарита*: «Рукописи не горят»³⁹.

В «Святой Руси» Комяги слово – это чистый шаблон. Когда сгорает шаблон, то, что было скрыто за шаблоном, обнажается – это голое насилие. Так как слово для Комяги является только шаблоном, он может позволить себе пойти даже против предписанного законом языкового пуризма. Это явно выражено тем, как

³⁴ Там же. С. 33.

³⁵ Там же. С. 60-69.

³⁶ Там же. С. 80.

³⁷ Там же. С. 80.

³⁸ Там же. С. 137.

³⁹ Булгаков М. Белая гвардия. Мастер и Маргарита. Романы. Минск, 1988. С. 557.

Комяга с большой дистанцией рассказывает о мучениях жертв террора опричнины; возникает ощущение, как будто он смеется над ними. Крики насилюемой им женщины он комментирует так: «Как живой розовый поросенок на вертеле раскаленном, вздрагивает и взвизгивает вдовица. Впиваюсь я зубами в ступню ее. Визжит она и бьется на столе. А я обстоятельно и неуклонно *сочное дело* вершу»⁴⁰. Другой пример – это описание повешения графа Урусова, зятя государя, который попал в опалу из-за коррупции и сексуальных извращений (половые акты в горящих зданиях), которые описывает анонимный поэт в поэме, оскорбляющей честь царствующей семьи. Когда граф находит опричников в бане и просит о помощи, они сталкивают его в бассейн и забрасывают ножами. Его последние минуты описываются так: «Вопит по-прежнему яростно, негодуя. Сколько злобы накопил, гад! Летят в него ножи остальных молодых. И все в цель попадают. [...] Уже не вопит, а хрипит граф, в воде ворочаясь. На мину морскую похож он»⁴¹.

В рассказах Комяги о мучениях и смерти его жертв нет ни следа человеческого сочувствия и эмпатии. Более того, жертвы подвергаются еще и насмешкам. Для этого Комяга пользуется теми вульгарными словами, которые запрещены в «Святой Руси». При этом сохраняется христианская форма: «Миг – и закачался Иван Иванович в петле, задергался, захрипел, засопел, запердел прощальным пропердом. Снимаем шапки, крестимся. Надеваем. Ждем, покуда из столбового дух изыдет»⁴². Христианская форма (перекрещивание, выражение пиетета перед усопшими – снятие головного убора) как бы пародируется нехристианским содержанием, презрением к человеку, повешением беззащитного или изнасилованием его невинной жены и полным отсутствием уважения, выраженное описанием физиологических деталей его умерщвления.

Когда проявляется настоящий, то есть несвятой, характер поступков Комяги в вербальном вульгаризме, который он употребляет, издеваясь над жертвой, тогда он сразу прикрывается словесными шаблонами. «Семиотика святости» в очередной раз подтверждает цитатой слов государя законность унижения и физического уничтожения врагов государства: «Как говорил Государь наш: "Закон и порядок – вот на чем стоит и стоять будет Святая Русь, возрожденная из Серого пепла." Святая правда!»⁴³.

Биологическо-виталистическому самоутверждению требуется вербальное самооправдание, чтобы скрыть его незаконный характер риторикой правового, законного и даже святого порядка. Комяга постоянно опирается на право и порядок, но сам же неоднократно нарушает право в течение одного дня, описываемого читателю. Например, за возможное ходатайство за жену арестованного гос-

⁴⁰ Сорокин. День опричника, С. 30.

⁴¹ Там же. С. 210.

⁴² Там же. С. 29.

⁴³ Там же. С. 36.

секретаря Корецкого, которую он характеризуют как блядь⁴⁴, он берет взятку у ее подруги Ульяны Козловой, примы-балерины Большого театра, в форме галлюциногенов – золотых рыбок, плавающих в сосудах головного мозга и вызывающих невероятные видения. Это явный пример коррупции. Более того, употребление этих золотых рыбок официально запрещено в «Святой Руси». Но гедонизм опричников сильнее права. Кроме того, с точки зрения Комяги, право не для всех одинаково: «Ежели говорить по совести – ничего антигосударственного я в этих рыбках не нахожу. Народу простому они недоступны, а у людей богатых да высокопоставленных должны быть слабости свои. Ведь слабость слабости – рознь»⁴⁵. Опричники относятся к элите, имеющей больше прав, чем простой народ, и поэтому могут позволить себе некоторые противозаконные удовольствия (слабости), если таковые не являются антигосударственными. Что причисляется к антигосударственным поступкам, если они не определяются законом – произвольное решение.

Другой случай нарушения закона происходит тогда, когда Комяга летит в Оренбург, чтобы остановить колонну китайских грузовиков, направляющихся в Тирану. Срок страховки должен быть просрочен и, таким образом, можно было бы получить премию в размере 3% от стоимости товара, предназначающуюся опричникам и всем правильным: «Всем *правильным* хватает, перепадает. Эти самые 3% многие *правильные* расходы закрывают. А расходов у нас, у слуг Государевых, без счету»⁴⁶. У опричников и всех правильных есть на то право, потому что они – слуги государя и находятся под его опекой. Самооправдание опричников становится возможным благодаря самодержавию государя. Право устанавливается исключительно государем, власть государя является абсолютной и по причине своего современного характера (технология, капитал, система тотального контроля и уничтожение «государственных врагов», идеологическая ссылка на досовременные мифы, псевдосакральность) также и тоталитарной. Однако когда святость «Святой Руси» не соответствует больше христианскому содержанию и право больше не опирается на христианские представления о справедливости, тогда форма и содержание расходятся между словом и поступком – образуется пустота. Самодержавие не должно больше оправдываться перед выше поставленной истиной и справедливостью, потому как оно само устанавливает истину и справедливость. Такое самодержавие – это произвол. Поступки и слова Комяги расходятся в христианской форме (святость) и нехристианском содержании (жестокое преследование и уничтожение врагов). Святость «Святой Руси» оказывается псевдосвятостью, за ней часто скрывается, ссылаясь на Фридриха Ницше, стремление к власти (по-немецки: *der Wille zur Macht*): «Alles Geschehen

---

⁴⁴ Там же. С. 70.

⁴⁵ Там же. С. 86.

⁴⁶ Там же. С. 124.

aus Absichten ist reduzierbar auf die Absicht der Mehrung von Macht»⁴⁷. (По-русски: «Все, что происходит по плану, можно свести к намерению увеличить власть».) Эта формулировка Ницше как будто определяет суть всех действий опричников в романе Сорокина.

Что на самом деле объединяет форму и содержание, находящиеся в противоречии, и соединяет слово и поступок, так это неограниченная власть, держащаяся на насилии. Уже утром в *Дне опричника*, когда бородой Самсон взбивает на щеках пену для бритья из оранжевого флакона «Чингисхан», Комяга думает: «Но я принципиально не согласен с циником Мандельштамом – власть вовсе не "отвратительна, как руки бороды". Власть прелестна и притягательна, как лонно нерожавшей златошвейки»⁴⁸. Тут Комяга цитирует стихотворение *Ариост* (1933, 1935) Осипа Мандельштама:

Ариост

В Европе холодно. В Италии темно.
Власть отвратительна, как руки бороды.
О, если б распахнуть, да как нельзя скорее,
На Адриатику широкое окно.

[...] ⁴⁹.

В этом стихотворении Мандельштам намекает на «отвратительную власть» тоталитарных диктатур, с одной стороны фашистского государства Бенито Муссолини, с другой стороны империи террора Иосифа Сталина. Та власть, из-за которой в Европе стало холодно и темно, для Комяги притягательна. То, что та власть куплена кровью, ему предельно ясно. В самолете, летящем в Оренбург, Комяга сидит рядом с незнакомой ему женщиной, которая как раз смотрит фильм о заговоре против государя. Лозунг заговора гласит «распилить и продать»⁵⁰, под этим подразумевается раздел России ее врагами. Один из главных участников заговора – позже повешенный секретарь Думы Борис Петрович Соцкий. Когда Комяга указывает женщине на кровавый характер фильма, она прямо отвечает: «Господин опричник, благодаря вам русские женщины давно привыкли к крови. К малой и к большой»⁵¹. С помощью мобильного телефона Комяга идентифицирует женщину. Это сосланная в Оренбург дочь повешенного секретаря Думы. Кажется, что Комяга теряет на мгновение свою самоуверенность и дистанцию к своим

⁴⁷ Nietzsche F. Die maskierten Arten des Willens zur Macht // Nietzsches Werke in zwei Bänden / Ed. G. Stenzel. Salzburg, 1952. Vol. 1. P. 855.

⁴⁸ Сорокин. День опричника, С. 9-10.

⁴⁹ Мандельштам О. Сочинения в двух томах / Под ред. П. М. Нерлеры. М., 1990. Т. 1. С. 195.

⁵⁰ Сорокин. День опричника, С. 116.

⁵¹ Там же. С. 118.

жертвам. Он видит в этой женщине «жертву государства Российского»⁵² и даже думает о ее чувствах: «[...] вот сидит рядом человек, навсегда обиду затаивший»⁵³. Однако размышления, к которым приходит Комяга после столь необычной для него эмпатии, пронизаны холодной дистанцией и маккиавелизмом. Эта женщина – жертва российского государства, должна вырастить сына, у нее, наверное, собирается оренбургская интеллигенция и ведет «разговоры». Что речь идет о врагах государства, Комяга само собой подразумевает. В такое время найдутся сотни тысяч таких людей, думает он. Так, исходя от одного обиженного индивида, он подходит в своих расчетах к сотням, тысячам, миллионам и может, абстрагируясь в гегелианско-маккивиалистическом ключе от страдания отдельно взятого, прийти к тому, что у жертв есть потенциал, угрожающий государству, а последний может являться силой в силовой параллельной программе: «А это уже сила немалая, учета требующая. Тут думать наперед надобно, просчитывать ходы»⁵⁴. Что Комяга обладает теоретической способностью абстрагироваться от жизни отдельно взятого человека, это он действительно практикует, в этом отношении слово и дело действительно гармонируют конкретно под лозунгом неприкрытой циничной мысли. Однако этот порыв честности сразу же заканчивается, потому что он цитирует присказку «Святой Руси»: «Одно слово: милостив Государь наш. Ну, и слава Богу...»⁵⁵. Посредством этого одного слова ясно выраженное стремление к власти снова исчезает за фасадом псевдосвятости, жесткая абстракция от страданий индивида за фасадом псевдосправедливости. Это подтверждение самого себя, подкрепленное самооправданием, зиждется на самовозвеличении и упоении властью, одним словом, власть абсолютна, потому что она не связана никакими правовыми морально-этическими установками. Она обосновывает саму себя, так как кажущаяся обоснованной идея (сакральность, святость) проявила себя псевдоидеей (псевдосакральность, псевдосвятость). Описываемая в сорокинской антиутопии «Святая Русь» основывается на тоталитарном самоволии.

Это присутствует во внутренней логике мира Комяги, закрытом от внешнего мира, в первую очередь, от Запада. Эта закрытость архитектурно выражается в «Западной Стене». Запад зависим от поставок газа «Святой Руси», и это ясно видно в комедии, поставленной в кремлевском зале. Западный крот подрывается под «Западную Стену», чтобы попасть в «Святую Русь» и таким образом открыть кран, перекрывающий так называемую «Западную трубу». Крот разлетается в клочья от выстрела постовых, которые к тому же еще и пердят через «Западную трубу». Впоследствии это комментируется одним из присутствующих культур-атташе, что, мол, русским пердением можно полностью отопить запад-

---

⁵² Там же. С. 119.

⁵³ Там же. С. 120.

⁵⁴ Там же. С. 120.

⁵⁵ Там же. С. 120.

ные города⁵⁶. Геополитическая вражда по отношению к Западу выражается, однако, не только на энергополитическом уровне – она переходит в открытую военную агрессию, которая описывается в бане одним из старшин опричнины в наркофантазии. Опричники превращаются в семиголового Горыныча, изрыгающего огонь и летящего в сторону Америки, граждане которой описываются как «люди наглые да бесчестные, Страха Божия совсем не имеющие»⁵⁷. По пути в Америку один корабль, доставляющий барахло и разные декадентские дьявольские причиндалы, терпит бедствие. В конце этой наркооргии Комяга насилует 30-летнюю американку своим огненным жезлом – представление (атомного) разрушения геополитического врага Америки соединяется с жестокими насильственными фантазиями.

(Гомо)сексуальность в *Дне опричника* играет основополагающую роль – мужской фаллос представляется символом власти и насилия. Это проявляется особенно ярко в групповой сексоргии, в которой опричники занимаются друг с другом анальным сексом в бане старшины и образуют при этом круг, в котором младшие стоят в его конце. Таким образом, символизируется энергопоток от младших к старшим с одной стороны, а с другой стороны – замещение старших младшими. Происходит циркуляция элиты. Александр Дугин, кстати, придерживается мнения, что такая циркуляция элиты по теории итальянского социолога Вильфредо Парето (1848-1923) была осуществлена посредством сталинских чисток⁵⁸. Такой ритуал является, как пишет сам Сорокин в комментарии, «законом любого карательного учреждения»⁵⁹. Сексуальность представляется не выражением нежности, а средством насилия, иерархической субординацией наказания и разрушения.

Текст Сорокина наполнен интертекстуальностью, часто напоминающей пародию, ссылками в основном на русских современных писателей, интеллектуалов, деятелей культуры. Так, например, некоего Данилкова, секретаря нижнего ранга канцелярии слова и письменности, прилюдно порет из-за халатности Шка Иванов – известный как «палач московской интеллигенции»⁶⁰. Прототипом Данилкова должен быть Лев Данилкин, чья подсудная халатность состоит в том, что он сравнил Александра Проханова с Данте⁶¹. Прототипом известного палача московской интеллигенции Шка Иванова является наверняка Александр Иванов – учредитель издательства *Ad-Marginem*, в котором публикуются произведения как либеральных русских писателей и известных западных интеллектуалов (сам Сорокин, Павел Пепперштайн, Беньямин, Делез, Деррида, Фуко), так и антили-

⁵⁶ Там же. С. 65-69.

⁵⁷ Там же. С. 94.

⁵⁸ Дугин. Русская вещь ... С. 469-472.

⁵⁹ Сорокин В., Соколов В. Владимир Сорокин: Опричнина – очень русское явление. <http://www.srkn.ru/interview/bsokolov.shtml>. Последнее посещение 5 октября 2013.

⁶⁰ Сорокин. День опричника. С. 145.

⁶¹ Eismann W. Repressive Toleranz im Kulturleben. Prochanov, ein Literaturpreis und das binäre russische Kulturmodell // Osteuropa. 2003. Vol. 53. No. 6. P. 835.

беральных русских, известных своей нацбольшевистской идеологией деятелей культуры, таких как Лимонов, Проханов и даже Дугин. Это помимо прочего своего рода политика публикаций, которую австрийский славист Вольфганг Айзман, ссылаясь на Герберта Маркузе, характеризует как «репрессивную толерантность» – толерантность, которая ко всему благосклонна, так как она ничего не воспринимает всерьез⁶². Теперь возникает вопрос, нет ли в тексте Сорокина признаков такой репрессивной толерантности. Марк Липовецкий правильно замечает, что Сорокин в *Дне опричника* относится к русским интеллектуалам либерального лагеря с не меньшим сарказмом⁶³. Например, Комяга слушает передачу вражеской радиостанции, в которой читают из книги некоего Рыкунина *Где обедал Деррида?*. При этом особое место отводится главе *Объедки великого*. Нетрудно догадаться, что Рыкунин – это философ Михаил Рыклин⁶⁴.

Заключение

Текст Сорокина амбивалентен. Именно к этому подводит утверждение Липовецкого, что при прочтении *Дня опричника* может создаться впечатление, что Сорокин скрытно любит своего опричника и окружающую его культуру террора, проникнутого эротизмом, именно за то, что казалось бы осуждает – за доходящие до религиозного экстаза трансгрессии⁶⁵. К этому высказыванию Липовецкого надо однако добавить, что сорокинская тайная любовь к Комяге – это любовь разочарованного романтика. В ее основе лежит опыт фундаментальной потери иллюзий. Поэтому эта любовь, если можно так выразиться, чисто сексуальная, соединяющаяся со страхом и насилием. Такая форма любви оставляет чрезвычайно горькое послевкусие морального (само)презрения. Сорокин, раздевая Комягу телесно, психически и духовно, анализирует его с предельной интеллектуальной ясностью и выявляет его подлость и опасность. В этом отношении *День опричника* Сорокина определенно является деконструкцией. Сорокинская деконструкция приводит к явному результату – писатель сам мог бы стать одной из первых жертв разрушительной деятельности своего опричника. Остается спекулировать о том, что сорокинская любовь к Комяге могла бы быть проявлением танатофильской саморазрушающей тоски. Существеннее чем спекуляции подобного рода представляется мне однако утверждение, что Сорокин в комментариях к своему тексту определенно предостерегает читателей от Комяги и, тем самым, не проявляет к нему толерантности. Сорокина нельзя упрекнуть в репрессивной толерантности, он воспринимает своего опричника очень серьезно. Исходя из

---

⁶² Ibid. P. 830, 838.

⁶³ Липовецкий, Эткинд. Возвращение тритона ...

⁶⁴ Сорокин. День опричника. С. 142-143.

⁶⁵ Липовецкий, Эткинд. Возвращение тритона ...

его текста, заметен скепсис по отношению к определенным формам постмодернистской иронии и потери действительности. Как бы ни были проникнуты постмодерном сорокинские слово и текст, кажется, что он ставит вопрос, насколько постмодерн может что-либо противопоставить воображаемой действительности в *Дне опричника*. *День опричника* – это не только замечательная комедия, как указывает в рецензии Лев Данилкин, веселая история с сюжетом, в которой остроумно осмеиваются человеческие слабости российских современников⁶⁶ – от этого смеха, вызываемом *Днем опричника*, можно действительно задохнуться. Когда тот же Лев Данилкин утверждает, что Александру Проханову удастся адекватно восстановить дискурс погибшей советской империи и в словесной форме⁶⁷, тогда он не различает деконструкцию от реконструкции. Проханов репродуцирует соцреализм и обогащает его элементами русской культурософии, не соблюдая никакой лишней иллюзий аналитической дистанции, характерной для *Дня опричника*.

С другой стороны, в основе сорокинской антиутопии лежат некоторые историко- и культурософские заключения, которые он формулирует не с точки зрения литературного аналитика дискурса, а скорее онтологически, то есть в форме высказываний об онтологии русской культуры. На вопрос, почему не может укрепиться демократия в России в европейском понимании этого слова, Сорокин отвечает: «Тут много мешает. Мешает метафизика нашей жизни и государственной власти»⁶⁸. Таким образом, Сорокин говорит не только о реальности, но и даже о метафизике российской жизни. В Европе каждый гражданин мог бы сказать «Государство – это я». У нас, то есть в России, страна разделяется на государство и подчиненных, то есть наш народ не идентифицирует себя с государством. Государство – это отдельный аппарат, определенный идол, которому нужно поклоняться и во имя которого нужно жертвовать собой. При этом опричнина сыграла действительно главную роль в формировании закрепленной в народе этой государственной структуры. Дословно: «Опричнина – это очень зловещее и очень русское явление»⁶⁹. Когда Иван Грозный поделил своих подданных на опричнину и на остальных, дав всю полноту власти опричникам, практически он выделил касту жрецов абсолютной власти, которым все позволено. Эти жрецы имели власть и права более широкие, чем у самых знатных бояр и самого высокопоставленного духовенства. Практически было создано государство в государстве со столицей в Александровой слободе⁷⁰.

Быть может, Сорокин оперирует теми же дуальными мыслительными шаблонами, типичными для русской культурософии и ее идеологических радикальных версий. Не приподнимает ли он опричнину до метафизической онтологической

⁶⁶ Данилкин. Владимир Сорокин ...

⁶⁷ Eismann. Repressive Toleranz im Kulturleben ... P. 835.

⁶⁸ Сорокин, Соколов. Владимир Сорокин ...

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

отметки России? Если он утверждает, что опричнина – это неизлечимое явление, то в этом случае виден фаталистический исторический пессимизм. С другой стороны, у Сорокина возникает вопрос, возможен ли такой мир, который он описал в своем романе. Исходя из первых читательских отзывов, он заключает, что такой мир возможен. Далее он подчеркивает гротескный характер российской жизни. Несмотря на то, что описанный им мир вполне возможен, он однако вовсе не уверен, что так оно и будет. «Этим, собственно, и хороша Россия, что ее будущее всегда открыто и каждый волен гадать о нем. В этом и проходит наша жизнь»⁷¹. В конечном итоге остается ли в таком случае миф о России как о постоянной стране неограниченных возможностей и невозможностей? Где же возможность сознательного рационального создания политического и общественно-го будущего собственной страны? Может быть, это западная утопия?

В романе Сорокина много вопросов. Он в отличие от идеологии Дугина амбивалентен и диалогичен, так как он деконструирует монологический взгляд своего протагониста и таким образом раскрывает его сомнительность и повторяющуюся смехотворность. Он хочет вызвать реакцию читателей, как если бы его роман был вопросом, ответом на который была бы плюралистичность читательских откликов. Идеологии Дугина знакома только одна читательская реакция – реакция субординации под его сакральной истиной. Таким образом, читателям Сорокина решать, хотят ли они жить в мире, описанном в его антиутопии, который они, согласно Сорокину, считают возможным. Может быть, все-таки есть возможность покончить с террористической метафизикой опричнины, может быть, есть третья возможность помимо дуальной онтологии? Если западный неолиберализм, приведший к банковскому и финансовому кризису, и преувеличенный индивидуализм, иногда ведущий к безграничному эгоизму и этической индифферентности, не правильный путь, должно ли это быть тогда обязательно государством террора, в котором государь занимается жестоким произволом и обладает метафизической законодательностью? Может быть, все-таки есть здоровое начало во вражеских определениях «демократия», «права человека», «правовое государство»? Разве это не преимущество, если после прочтения *Дня опричника* Сорокина возникает мнение, и его можно выразить, не боясь лишиться свободы? Разве не лучше жить в обществе и государстве, в котором можно обсуждать книги Сорокина, не сжигая их? Множество вопросов к действительности, называемой Россией, создаваемой людьми с ценностями и идеалами или же без таковых, иногда по шаблону утопий (или утопического дискурса), осуществление которых выражается между тем как антиутопии.

---

⁷¹ Там же.